

Михель Карл Иванович

ЗРУБИНА НА ДУШЕ

Как вы знаете из истории, мастеровых людей из Германии в Россию завезла еще царица Екатерина. Вот оттуда и пошел наш род в России.

Заселили немцев в Поволжье, в Саратовской области. Моя мама Амалия Христьяновна, по ее рассказам, выросла в большой семье. У них имелся надел - 60 гектаров земли. В хозяйстве были верблюды, лошади, козы. На лето мужчины выезжали в степь. Пахали на верблюдах пашню и засевали зерновыми культурами, выращивали арбузы. Собирали урожай. Этим и жили. И неплохо жили. Старшие братья вырастали, обзаводились семьями и отделялись в свои добротные дома.

Мама вышла замуж за также за немца - Иоганеса Карловича. В нашей семье из шестерых детей я был предпоследний. Как складывалась жизнь после революции? Родители работали в колхозе. Хорошо работали! В 30 годы ездили в Москву на слет передовиков.

Тревога появилась, когда Германия начала войну со своими западными соседями. Поползли разговоры о войне с Россией. В связи с этим родители вместе с несколькими другими семьями в 1939 году переехали в г. Самарканд под Ташкент.

Мне уже было 7 лет. Помню, что там мне понравилось. Тепло! Грецкие орехи прямо на земле собирали. Мой дружок - Николай Яхман (его семью потом тоже сюда сослали) со мной везде бегал. Тутовник - ягода такая сладкая - вместе собирали и лакомились ей.

В 1941 году началась война. Наверное, правительство боялось, что мы фашистам помогать будем. Нас, немцев, собрали всех вместе семьями и отправили поездом на Новосибирск. Везли в непригодных вагонах. Зимой. Представьте - пустая холодная коробка, и в ней битком набито людей.

Зиму перебивались в какой-то деревне в Каргатском районе Новосибирской области. Заселили нас всех вместе в старую контору. Зима, холод и голод. Мама из дома большую перину захватила. Ей и накрывались.

Весной погрузили всех нас на пароход в трюмы. Как он назывался, не помню. И поплыли мы вниз по Оби до Шпалозавода Парабельского района. Мне было тогда 9 лет. Не отходил от маленького круглого окошка в трюме. Удивлялся тому, столько воды кругом! Это же меня поразило и на Шпалозаводе. Можно сказать, поселок стоял на воде. Барак, в котором мы жили, возвышался над землей на высоких сваях, как и некоторые другие дома. Между домами дорога была по плавучим тротуарам - несколько бревен вместе сбивались, а сверху доски. По ним люди и ходили, пока вода не уйдет.

Шел 1943 год. Война чувствовалась и в Нарымском крае. В поселке работал шпалозавод. Тяговая сила - лошади. Все остальное вручную. Я тоже работал, пацан-коногон. Что это такое? Представьте круг около реки, где идет загрузка баржи лесом. Посредине круга стоит столб с цепью. За эту цепь на кругу закрепляются бревна. Четыре лошади, на которых мы сидим, ходят по кругу, поднимают этот круг с лесом наверх на баржу. Мать с отцом работали на шпалозаводе.

В конце войны нас, немцев перебросили в д. Кириловка по реке Чузик, что в 40 километрах от Парабелы. С чем это было связано, не знаю. Там был колхоз. Брат Иван и сестра Мария рыбачили на озерах. Мы выполняли все, что надо было. Я к тому времени уже и печи клал, и плотничал.

Всем было тяжело: и русским, и немцам. Объединяла одна беда. Но невыносимо тяжело было терпеть унижения, которым подвергал нас всех председатель колхоза Брытков Василий. Изверг был, не человек. Мать заболела и на работу не вышла. Вызвал в контору, избил. Брат Иван как-то с рыбалки две щуки домой взял, чтоб нас подкормить. Председатель доску на грудь повесил со словами «Враг народа» и по деревне прогнал, чтоб все видели и боялись. Над женщинами издевался, домогался, бессовестный. Сам лошадей, на которых ездил, хлебом кормил, а людей морил с голоду. Власть любил над людьми!

Отец не выдержал всего этого. Сбежали мы всей семьей в д. Перемитино. Коменданту все рассказали. Тот уже наслышан был о Брыткове. Разрешил остаться в колхозе. Сазон Захарович Перемитин, Валентины Чичковой дедушка, был председателем. Принял семью, помог разместиться - на первое время дал комнату в школе, пока землянку не вырыли. Мать медленно поправлялась.

Мы все стали работать. Я сам пахал на лошадях, на коровах боронил. Раскорчеванное поле отдавалось под зерновые. Сено коровам готовили на ливе. Я на вид крепкий был - меня метать сено на стога ставили. До 9 стогов метал с напарниками за день! А зимой в лесу пилили лес. То лучком - узенькая пила на одного человека, то двуручной пилой. Теперь такие пилы уже скоро только в музее можно будет увидеть.

В деревне Перемитино было дворов 50. Жили дружно, да и делить было нечего. После войны хотелось всем скорее обжиться, забыть все тяготы. Русские, молдаване, литовцы, украинцы жили, как одна семья. Молодежь вечерами собиралась на вечерки. Лишь старшее поколение помнило свои обычаи и традиции. Отец у нас хорошо пел, веселый был. На все руки мастер. Его в деревне уважали.

Моя жена Руфина Ефимовна, родом из д. Нестерово. Тоже попала под репрессии. В 1936 году ее семью раскулачили. А было-то хозяйства - две коровы, овцы, куры на семью из 7 человек!

Вот так сложилась жизнь этой немецкой семьи, попавшей под опалу и оказавшейся в Нарымском крае. До 1947 года в колхозах работали за трудодни, которые не всегда отоваривались. Деньги вживую почти не видели. Но жизнь продолжалась, и каждый понимал, что другой не будет.

После снятия в 1956 году комендатуры многие ссыльные выехали к себе на родину. Мы с женой тоже уехал из района. Шесть лет прожили в Казахстане. В 1964 году вернулись в Парабель. Навсегда.

Записала Н. Голощанова